

О ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУМЫНСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

В. ВАСЧЕНКО

1

Лексикографическая инвентаризация заимствований и определение их этимологии, при всей практической важности данного вопроса, являет собой лишь начальный этап в изучении иноязычных влияний. Следующей стадией, раскрывающей динамику иноязычных элементов путем выявления их судьбы в новой языковой среде и тем самым представляющей собой первостепенное значение для объяснения ряда явлений, связанных как с маргинальным, так и с внутрирегиональным контактированием языков¹, является освещение их адаптации.

Изучение этого аспекта взаимодействия языков в структурно-типологическом плане применительно к восточнославянским заимствованиям в разных языках — славянских (южных и западных) и особенно неславянских (в частности, финно-угорских и восточнороманских) — дало бы возможность обрисовать общую картину ряда закономерных соответствий, наблюдаемых в указанных условиях, а также определить круг тех специфических черт, которые свойственны каждой из этих семей или групп языков в области освоения восточнославянских проинкиновений. Такое монографическое исследование возможно, однако, только после накопления большого и разносторонне рассмотренного материала. Поэтому на первых порах мы ставим перед собой более скромную задачу, а именно осветить данный вопрос на примере румынских

¹ См. Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, *О взаимодействии языков (Проблема субстрата)*, ВЯ, 1955, 1, стр. 10.

элементов украинского и русского происхождения и таким образом внести посильный вклад в разработку общей проблематики. Такая задача, на наш взгляд, стоит по своей злободневности в повестке дня румынской славистики тем более, что намеченная проблема в целом еще не была подвергнута специальному исследованию.

2

Хотя к наименованию изучаемого явления нет единого подхода (что, собственно говоря, является частным случаем более общего недостатка — отсутствия унифицированной лингвистической терминологии), почти все исследователи сходятся мнением насчет его сущности, вкладывая в используемые ими термины¹ примерно одно и то же содержание. Вкратце оно сводится к следующему. В процессе адаптации чужеродные лексические элементы приобретают новые грамматические признаки, а звуки и особенности акцентуации, которые не подходят под фонетические нормы заимствующего языка, подвергаются изменению (модификации или субституции), чтобы свести к возможному минимуму насилие над этими нормами². Что касается иностранных слов, получивших полные права гражданства, то они и в дальнейшем подвержены всем происходящим в языке изменениям, в частности звуковым, ничем не отличаясь в этом отношении от всех остальных его слов³.

Адаптация наблюдается, таким образом, на разных языковых уровнях, охватывая как фонетику и морфологию, так и семантику заимствованных слов. Само собой разумеется, что при наличии разных графических систем (например, русской и украинской, с одной стороны, и румынской, с другой) она проявляется также в области графики. Ниже мы попытаемся уделить внимание первым двум сторонам вопроса, так как семантическая адаптация восточнославянских элементов уже освещена в специальной литературе⁴, а при рассмотрении четвертого аспекта особых трудностей не возникает.

В связи с румыно-восточнославянскими языковыми отношениями следует подчеркнуть одну любопытную особенность. Несмотря на то, что восточнороманские и восточнославянские языки принадлежат к разным индоевропейским группам, адаптация заимствований, в частности в фонетическом плане, не была сопряжена с особыми препятствиями. Это обстоятельство, очевидно, следует объяснить тем фактом, что ру-

¹ Среди наиболее распространенных названий явления «адаптации» (мы будем пользоваться именно этим встречающимся чаще всего в романистике термином, так как, на наш взгляд, он выражает с предельной точностью специфику данного процесса) обращают на себя внимание: «ассимиляция» (Л. А. Булаховский, Р. А. Будагов), «акклиматизация» (Е. Рихтер), «освоение» (А. А. Реформатский), а также «приспособление», «переоформление» и др., вообще лишенные однозначности.

² См., например, Е. SAPIR, *Language. An introduction to the study of speech* (русский перевод), М.—Л., 1934, стр. 155.

³ Н. PAUL, *Prinzipien der Sprachgeschichte* (русский перевод), М., 1960, стр. 465.

⁴ См. нашу статью *Элементе ест-славе ии лимбиле романа ши молдовеняскэ (Обсервации семантиче асупра импрумутурилор дин е.в. XII—XIX)*, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1959, 4, стр. 37—45.

мынский язык вобрал в себя еще в VI—XII вв., т. е. задолго до интересующего нас периода, немало славянских черт (в силу чего некоторые ученые — например, акад. Э. Петрович — относят фонетическую и фонологическую структуру румынского языка к структурам славянского типа¹). Древнее южнославянское влияние, оставившее заметные следы на языковой территории восточной Рومании, явилось, таким образом, своего рода катализатором, который подготовил почву для дальнейшей адаптации элементов восточнославянского происхождения (XII в. и сл.). Вот почему, как это ни странно, румынскому, языку романскому с генетической точки зрения, вообще легче усваивать украинские или русские слова, чем, скажем, французские, содержащие непривычные для румынской фонетической системы звуки (ср. фр. *ô, ÿ, носовые гласные и др.*)².

Наши наблюдения над явлением фонетической адаптации будут сделаны на материале заимствований, проникших устным путем, большинство из которых являются украинизмами и бытуют в основном на северо-востоке дакорумынской языковой области. Сюда относятся также некоторые русизмы периода XVIII—XIX вв., большая часть которых воспринимается сегодня как архаизмы или историзмы. Мы умышленно отказываемся в разделе, посвященном вокализму, от рассмотрения книжных заимствований, так как они основаны как правило на транслитерации, а следовательно, не имеют прямого отношения к живым фонетическим фактам. При исследовании же субституции отдельных групп согласных (процесса, охватывающего также книжные элементы), акцентологической и морфологической адаптации будут привлечены, конечно, и письменные заимствования.

Необходимо сделать еще одну предварительную оговорку: в отличие от О. Денсусиану³ и А. Росетти⁴, рассматривающих в своих трудах эволюцию всех или почти всех звуков, которые встречаются в древних южнославянских элементах румынского языка, а также в противоположность С. В. Семчинскому, поступающему примерно таким же образом при анализе гласных в восточнославянских заимствованиях⁵, мы уделим

¹ См. E. PETROVICI, *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Societatea de științe istorice și filologice, București, 1956. О славянских произносительных привычках в фонетической системе румынского языка см. его же, *Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem*, 'S-Gravenhage, 1957, стр. 43.

² О трудностях при адаптации французских слов к фонетическому строю румынского языка см. GH. ADAMESCU, *Adaptarea la mediu a neologismelor*, «Analele Academiei Române», *Memoriile Secțiunii Literare*, seria III, том. VIII, mem. 5, București, 1938, стр. 24; G. IVĂNESCU și L. LEONTE, *Fonetica și morfologia neologismelor române de origine latină și romanică*, «Studii și cercetări științifice», Seria filologie, An. VII (1956), Fasc. 2, Iași, стр. 2.

³ OVIDE DENSUSIANU, *Histoire de la langue roumaine* (Tome premier: *Les origines*), Paris, 1901, стр. 269—278.

⁴ AL. ROSETTI, *Istoria limbii române*, III (*Limbile slave meridionale, sec. VI—XII*), Editura Academiei R.P.R., București, 1962, стр. 89—108.

⁵ С. В. СЕМЧИНСКИЙ, *Фонетические соответствия между гласными румынского, русского и украинского языков*, «Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка», том XVI, вип. VII, Вид-во КДУ, 1957, стр. 179—190. Несмотря на правильные выводы автора, они основываются иногда

внимание лишь тем звукам или звуко сочетаниям, которые изменяются при заимствовании, в результате чего они передаются в румынском языке другими гласными, согласными или их сочетанием. Тот факт, что ударному *a*, например в укр. *бугай*, соответствует в слове *buhai* рум. *a*, т. е. гласный того же ряда и подъема, или, скажем, русскому *i* — рум. *i* в слове *chibitcă* (<кибитка>), представляет собой известное соотношение тождества, необусловленное модификацией или какой-либо субституцией, и поэтому такие случаи не имеют никакого отношения к явлению адаптации.

Наконец, надо отметить, что фономорфологическая структура заимствований зависит, помимо других причин, и от того или иного пути их проникновения в новую языковую среду (заимствования устные и письменные, непосредственные и опосредствованные). Однако это несколько иной вопрос: отличительные черты слов восточнославянского происхождения, рассматриваемые в плане конкретных источников заимствования (например, отдельные особенности восточнославянского вокализма и консонантизма, нашедшие свое отражение в фонетическом облике соответствующих «орумынившихся» слов) относятся скорее к сфере общих черт, нежели к дифференциальным признакам, объясняемым адаптацией. К тому же данный аспект нами был освещен¹.

3

Среди наиболее характерных явлений, объясняемых фонетической адаптацией, следует отметить следующие:

Вокализм

a > ä. Как правило укр. и русск. безударному *a* соответствует в заимствованиях рум. *ă*: *cl[ă]păug* 'вислоухий' с фонетическим вариантом *cl[ä]plăug* (< укр. *клапоухий*, *капlouхий*), *liv[ă]r* 'ливер' (< укр. *лівар*), *m[ă]călean-dru* 'название небольшой лесной птицы' (< укр. *маколяндра*), *g[ă]lușcă* 'кусочек теста, сваренный в воде или молоке, клёцка, галушка' (< русск. *галушка*, ср. и польск. *galuska*). Тот факт, что звук *ä* близок (но далеко не идентичен!), например, к русск. *э* (*a*, *o* во втором предударном и заударных слогах, а также *e* в положении после *ж*, *ш*, *с*), был подчеркнут уже акад. Э. Петровичем². Рассмотренное соответствие наблю-

на материале, ошибочно этимологизированном. Так, например, рум. *obadă*, *oplean*, *podbeal* заимствованы, как известно, из южнославянского источника (вопрос о подобных словах давно решен в румынистике), *cutcă* (в отличие от *voică* < русск. *водка*) восходит к польск. *wódka*, *balercă* пришло также из польского (причем наблюдается метатеза, ср. польск. *baretka*; украинским и русским влиянием можно объяснить только диал. *barileă* < укр. *барилка*, русск. *барилко*, ср. и польск. *baryłka*).

¹ См. В. ВАСЧЕНКО, *Восточнославянские элементы румынского языка (Пути проникновения заимствований. Отличительные черты интернационализмов, пришедших через русское посредство)*, сб. «Culegere de studii», Бухарест, 1961, стр. 24—35.

² Е. PETROVICI, указ. соч., стр. 6.

дается также в древних южнославянских заимствованиях (ср. *gr[ǎ]dină* < *gradina*, *n[ǎ]dejde* < *nadežda*, *r[ǎ]chită* < *rakyta* и др.)¹.

Встречаются, однако, и случаи, когда укр. и русск. безударное *a* (подобно ст.-сл. *a* в некоторых словах древнеславянского происхождения²) не изменяется при заимствовании ряда слов: *ʃ[a]lvir* 'плут, мошенник' (< укр. *шалвір*), *ʃ[a]zas* 'казак' (< русск. *казак*), *b[a]rîşnic* 'перекупщик, маклер' (< русск. *барышник*), *b[a]r[ʌ]ban* 'барабан' (< русск. *барабан*), *b[a]r[ʌ]bulă* 'картофель' (< укр. *бараболя*). Поэтому процесс перехода укр., русск. безударного *a* в рум. *ă* нельзя считать обязательным.

Что касается явления *a > ă* в конце слова, где оно наблюдается последовательно, то такое видоизменение звукового облика заимствований является результатом их морфологической адаптации, ибо в подобных случаях речь идет о субституции морфем (см. стр. 61).

ó > ɔa. Одним из наиболее своеобразных примеров фонетической адаптации является дифтонгизация вост.-сл. ударного *o* на дакорумынской почве. В отличие от дифтонга *ea*, который заимствован из славянского, монофонемный восходящий дифтонг *ɔa* не характерен для славянских языков. Он свойствен румынскому (resp. молдавскому) языку и встречается в разных по происхождению³ элементах (латинских — *florem > floare*; славянских — *ikona > icoană*; новогреческих — *κόλλα > coală*; французских — *période > perioadă* и др.). Дифтонг *ɔa* восходит к ударному *o*, которое в дакорумынской языковой среде стало дифтонгическим, причем указанный переход имеет место при условии, чтобы в последующем слове находился бы один из гласных *a*, *ă* или *e*⁴.

Наблюдения О. Денсусиану, И. Иордана, А. Росетти и других ученых над дифтонгом *ɔa*, в частности в древнеславянских элементах румынского языка, приемлемы и относительно изучаемых нами восточнославянских заимствований. Явление *ó > ɔa* наблюдается в таких словах украинского и русского происхождения, как, например: *ʃ[oa]rbă* 'ручка бурава, а также сам бурав плотника' (< укр. *корба*), *dr[oa]gă*⁵ 'большая телега' (< русск. *дороги*), *g[oa]rnă* 'сигнальный рожок' (< русск.

¹ OVIDE DENSUSIANU, указ. соч., стр. 271—272; AL. ROSETTI, указ. соч., стр. 90.

² Речь идет о словах типа *blagoslovire* (см. Ovide Densusianu, указ. соч., стр. 272). Вот почему С. В. Семчинский, указ. соч., стр. 183 ошибается, полагая, что соответствие «*a > a*» характерно только (разрядка наша — В.В.) для восточнославянских заимствований.

³ AL. ROSETTI, *Slavo-romanica. Sur la constitution du système vocalique du roumain*, «Romanoslavica», I, 1958, стр. 29—30.

⁴ См. OVIDE DENSUSIANU, указ. соч., стр. 272—273; IORGU IORDAN, *Diftongarea lui e și o accentuați în pozițiile ă, e, iași*, 1920; AL. ROSETTI, *Istoria...*, стр. 94; Его же, *Slavo-romanica...*, стр. 29—30.

⁵ Заметим попутно, что *Dicționarul limbii romine moderne*, Ed. Academiei R.P.R., București, 1958 (в дальнейшем сокращенно — DLRM) ошибочно возводит рум. *droagă* 'большая телега' к русск. *дрогá* 'продольный брус в повозках'. На самом деле этимологом этого слова является русск. *дрóги* 'длинная повозка без кузова', о чем убедительно говорит не только семантика слова, но и дифтонгизация ударного *o*.

горн), *nǎvol[oa]cǎ*¹ 'жниво, где посеян под борону хлеб без вспашки' (<укр. *наволоком*), *rǎst[oa]cǎ*² 'неглубокий или осушенный рукав реки' (<укр. *ростока*), *r[oa]tǎ* 'подразделение, входящее обычно в состав батальона' (<русс., укр. *рота*, полск. *rota*), *promor[oa]cǎ* 'иной' (ср. укр. *приморозок* 'утренний мороз' у Б. Д. Гринченко и русск. диал. *паморока*, *поморок* 'пасмурная погода' у В. И. Даля), *stand[oa]lǎ* 'закрытом' (<укр. *стодола*), *Țoa[nǎ* 'место, где ловят рыбу неводом' (<укр., русск. *тоня*), *tol[oa]cǎ* 'поле, находящееся под паром и служащее выпасом для скота' (< укр. *толока*) и др., где дифтонг *ra* развит из ударного *o*³ в положении перед рум. *ă* в последующем слоге. Дифтонгизация имеет место, как правило, в ранних заимствованиях (ср. украинизмы типа *nǎvolocǎ*, *rǎstocǎ*, *tolocǎ* и др.). Что касается более поздних, периода XVIII—XIX вв.⁴ (ср. *goarnǎ*, *roatǎ*), то в них фонетизм *ra* встречается лишь в единичных случаях, как исключение. К тому же здесь приходится учитывать и факты другого порядка: *roatǎ* 'рота', например, дифтонгизировалась, по всей вероятности, как результат народной этимологии, под влиянием исконно рум. *roatǎ* 'колесо' (<лат. *rota*)⁵. Поэтому замечание С. Пушкирю⁶ об отсутствии дифтонгизации в относительно недавно заимствованных словах в основном приемлемо и для восточнославянских элементов (об этом см. и ниже).

Как уже было указано, переход *ó > ra* наблюдается только при наличии гласных *a*, *ă* или *e* в следующем, первом заударном слоге. При наличии же других гласных фонем в данной позиции дифтонгизация не происходит (хотя *o* и находится под ударением). Ср. *ah[o]tnic* 'охотник до чего-нибудь' (< русск. *охотник*), *b[o]dinǎ* 'боченок' (<укр. *бодня*), *cin[o]nic* 'государственный служащий в XIX в.' (< русск. *чиновник*), *d[o]lie* 'пай' (<укр., русск. *доля*), *pot[o]stinǎ* 'дно воза'

¹ Игнорируя явление *ó > ra*, DLRM ошибается и относительно слова *nǎvolocǎ*, которое возводится им к существительному *наволок*, а не к наречию *наволоком*, как это следовало бы сделать (ср. выражение *сіяти наволоком*; Б. Д. ГРИНЧЕНКО, *Словарь украинского языка*, II, Киев, 1908, стр. 472).

² DLRM указывает, что прототипом рум. *rǎstocǎ* могло бы быть русское слово («ср. рус. *rastok*», стр. 695; кстати, вряд ли существующее в русском языке). В действительности же этимологом является укр. *ростока* 'место разделения реки на два рукава', где *ó > ra* (см. Б. Д. Гринченко, *указ. соч.*, IV, стр. 79) тем более, что речь идет об устном заимствовании, бытующем в говорах.

³ Кажущимся исключением являются слова *boroanǎ* 'борона' (ср. укр., русск. *борона*) и *toalrǎ* 'скопление людей, сборище' (ср. русск. *толпа*), где в соответствующих прототипах в им. п. ед. числа *o* не находится под ударением. Но ударное *o* встречается в одной из остальных парадигматических форм (например, род. п. мн. числа *борон*, им. п. мн. числа *толпы*; ср. также выражение *сеять под борону, під борону сіяти*), которые, по-видимому, в силу известной повышенной частотности и послужили источником для указанных румынских слов.

⁴ О периодизации лексических заимствований из восточнославянских языков см. VICTOR VASCENCO, *Elementele slave răsăritene în limba română (Periodizarea imprumuturilor lexicale)*, «Studii și cercetări lingvistice», 3 (X), 1959, стр. 395—406.

⁵ См. С. В. СЕМЧИНСКИЙ, *указ. соч.*, стр. 184. Вопрос подробнее освещен в статье ТН. HRISTEA, *Omonimii realizate prin etimologie populară: carte și roată*, «Limba română», 1958, 5, стр. 60—63.

⁶ См. «Dacoromania» I, 1924, стр. 378 и сл.; С. В. Семчинский, *указ. соч.*, стр. 183—184.

(<укр. *помостина*), *p[o]slinǎ* 'в 40 — 50-е годы XIX в.: таможенная пошлина на экспорт пшеницы' (<русс. *пошлина*), *pr[o]pis* 'образцы правильного написания букв; письмо' (<русс. *пропись*), *rasc[o]lnic* 'член одной из русских сект, принадлежащих к расколу' (<русс. *раскольник*), *s[o]lnic* 'офицерский чин в казачьих войсках; сторож' (<русс. *сотник*), *smor[o]din* 'смородина' (<укр. *смородина*), *sm[o]tru* 'в XIX в.: военное обучение, муштра' (<русс. *смотр*), *z[o]lnićǎ* 'кадка для стирки белья' (<укр. *зольниця*).

Здесь нужно подчеркнуть и другое немаловажное обстоятельство. Речь идет о том, что в подавляющем большинстве случаев дифтонгизация также не имеет место, когда подударный слог является закрытым, а заударный слог, содержащий *a* или *ǎ*, — открытым, иными словами, при стечении согласных фонем на стыке ударного и следующего за ним слогов (хотя соответствующие слова фонетически удовлетворяют всем остальным требованиям). Ср. *cam[o]rcǎ* 'ручная кухня' (<русс. *камфорка*), *ci[o]rnǎ* 'черновик' (<русс. *черный*, ср. *черновой*, *черновик*, *начерно*, *вчерне*), *c[o]bzǎ* 'струнный музыкальный инструмент' (<укр. *кобза*), *deac[o]lnǎ* 'достаточно' (<русс., укр. *довольно*), *l[o]tcǎ* 'узкая и длинная весельная рыболовная лодка' (<русс. *лодка*), *mah[o]rcǎ* 'махорка' (<русс. *махорка*), *v[o]lcǎ* 'водка' (<русс. *водка*). Наше наблюдение распространяется и на слова южнославянского происхождения: *c[o]pcǎ* 'прорубь' (<болг. *копка*), *log[o]dnǎ* 'обручение' (ср. ст.-сл. *lago-dinǔ*), *sc[o]licǎ* 'раковина' (ср. ст.-сл. *skolika*, болг. *сколка*, болг. диал. *скойка*) и др.

Встречаются, однако, и некоторые слова, представляющие собой отклонение от указанных норм:

а) Ударное *o* не дифтонгизируется в положении перед *a*, *ǎ* в первом заударном слоге в заимствованиях типа: *ah[o]tǎ* 'желание, склонность к чему-нибудь' (<русс. *охота*), *can[o]rǎ* 'в XIX в.: контора' (<русс. *контора*), *cor[o]dǎ* 'штабель дров' (<укр. *корода*), *hol[o]tǎ* 'пехота; толпа людей' (<укр. *гомота*, ср. и польск. *holota*), *lig[o]tǎ* 'льгота' (<русс. *льгота*), *pih[o]tǎ* 'пехота' (<русс. *пехота*, укр. *пихота*). Как уже было подчеркнуто, С. Пушкирю не без основания считал, что в подобных случаях речь идет о недавних заимствованиях, которые не успели ассимилироваться с более древними. Но его объяснение нельзя принять безоговорочно, так как отступление от правила дифтонгизации наблюдается и в отдельных словах древнеславянского происхождения, например: *p[o]rǎ* 'поп' (ст.-сл. *porǫ*, сербохорв. диал. *pora*, рум.-церк.-сл. *pora*), *v[o]lǎ* 'воля; желание; свобода; разрешение; настроение' (ст.-сл. *volja*, болг. *воля*, сербохорв. *volja*)¹ и др.² Вопрос о причинах указанного отклонения остается, таким образом, открытым.

б) Дифтонгизация наступает иногда даже при стечении согласных на стыке ударного и заударного слогов: *cor[oa]pcǎ* 'в XIX в.: неболь-

¹ Этимология южнославянских заимствований дана по работе G. MINĂILĂ, *Imprumuturi vechi sud-slave în limba română*, Ed. Academiei R.P.R., București, 1960, стр. 146, 162.

² OVIDE DENSUSIANU, указ. соч., стр. 272 — 273 приводит ряд примеров, иллюстрирующих отсутствие дифтонгизации в положении перед *i* и *n*.

шой ящичек с мануфактурными и галантерейными товарами, которые разносились коробейниками' (<укр., русск. *коробка*), *g[oa]nă* 'сигнальный рожок' (<руссск. *горн*), *l[oa]dbă* 'кусоч дерева, расколотый топором из бревна' (<укр. *лодба*), *postor[oa]ncă* 'постромка; пройдоха' (<укр. *посторонок, -ика*). В таких случаях дифтонгизация произошла, очевидно, по аналогии со словами типа *droagă*. О том, что нормой при стечении согласных является отсутствие перехода *ó < oa*, а не наступление его, говорят фонетические варианты подобных слов, в которых дифтонгизация не наблюдается: *cor[o]bă*, *l[o]dbă*, *postor[o]ncă*, зафиксированные почти во всех толковых словарях румынского языка.

и > о. Субституция звука *и* рум. *о*, характеризующимся закрытостью¹, наблюдается как в ударных, так и в безударных слогах. В безударном положении: *c[o]rhană* 'холм, а также обрывистый склон холма' (<укр. *курган*), *h[o]leac* 'развратник' (<укр. *гуляка*), *m[o]jic* 'грубый, невоспитанный человек' (<руссск., укр. *мужик*), *m[o]ndir* 'в XIX в.: военный китель' (<руссск. *мундир*), *păp[o]sti* 'напускать' (<укр. *напустити*), *por[o]boc* 'маленький мальчик' (<укр. *парубок*). В ударном положении: *b[o]nt* 'мятеж' (<укр., русск. *бунт*, польск. *bunt*), *cea[o]n* 'чугунный котелок' (<укр. *чавун*; ср. и турк. *çahun*), *pol[o]boc*² 'бочка' (<укр. *полубочок*), *tab[o]n* 'стадо степных лошадей' (<укр., русск. *табун*). Указанный переход наблюдается чаще всего в безударной позиции (ударное *и* передается непоследовательно рум. *о*; ср. фонетические варианты *cea[u]n*, *b[u]nt*, *tab[u]n*). Явление *и > о* характерно и для румынских слов древнеславянского суперстрата (в безударном положении), но там оно наблюдается в абсолютном начале слова (*ogodi < ugoditi*, *omorî < umorîti*, *ostoi < ustojati* и т.д.)³.

В связи с рефlekсами тех или иных восточнославянских гласных в румынских словах необходимо отметить, что некоторые явления не объясняются ни акустической близостью соответствующих звуков (известным сходством объясняется, например, соответствие укр. *е > рум. â*: *ialoc[ă]* 'можежеватель' < укр. *яловець*, *s[ă]rdac* 'крестьянская сермяга' < укр. *сердак*), ни фонетическими законами (например *ó < oa*), специфичными для румынского языка и его говоров. Это такие случаи, которые можно было бы назвать мнимой адаптацией, так как они не основаны на звуковой модификации или субституции, а просто на передаче фонологическими средствами заимствующего языка реального звучания той или иной фонемы в некоторых говорах, например украинских. В подобных словах фонетические факты диалектного порядка затемняются орфографией литературного языка (например, в словарях, где указывается этимология заимствований), что создает впечатление известного звукового соответствия, ложного на самом деле. Вот несколько примеров (в скобках указывается реальное равенство):

'a > e (*e = e*): *cel[e]dnic* 'слуга; подручный' (< укр. *челядник*), *holt[e]i* 'неженатый, холостой; молодой человек, которого пора женить' (<укр. *гольтай*), *stol[e]r* 'столяр' (<укр. *столяр*). В указанных словах рум. *е* не является результатом адаптации укр. лит. *а* в положении после мягкого согласного, а соответствует укр. диал. *е*. Известно, что на месте укр. лит. *'а* в юго-западной диалектной

¹ См. *Gramatica limbii române*, I, Ed. Academiei R.P.R., București, 1954, стр. 86.

² В румынском слове наблюдается передвижение ударения на последний слог.

³ См. AL. ROSETTI, *Istoria...*, стр. 92—93; Ovide Densusianu, *указ. соч.*, стр. 273.

группе украинского языка (например, в гуцульских говорах, территориально близко расположенных к молдавским говорам) произносится звук ¹.

о > u (u = u): c[ʲu]botă² 'сапог, преимущественно крестьянский' (< укр. *чобіт, -ота*), m[ʲu]scal 'русский; извозчик' (< укр. *москаль*), jo[ʲu]b 'ясли' (< укр. *жолоб*). И в данном случае первый элемент «соответствия» (укр. о) является чисто орфографическим фактом, так как в тех же юго-западных говорах украинского языка на месте лит. о произносится u. Рум. u в подобных словах отражает диалектное явление языка-источника, известное под названием уканья³.

е > y (y = y): năp[ʲi]rstoc 'наперсток без головки' (< укр. *наперсток*), or[ʲi]ndă 'сельская корчма, преимущественно взятая в аренду от помещика; аренда' (< укр. *оренда*) и др. Рефлекс y (орф. і) объясняется тем, что в украинских говорах, за исключением северных, е и у очень близки по звучанию, а иногда даже смешиваются (в безударной позиции)⁴.

е > i (i = i): hr[ʲi]scă 'гречиха' (< укр. *гречка*), ch[ʲi]lnă 'передняя или задняя часть подводного кузова; козлы' (< укр. *кельня*). Рум. i соответствует укр. диал. і, а не укр. лит. е: в юго-западных говорах украинского языка е в зависимости от соседнего палатального согласного может перейти в і⁵. К этому же случаю мнимой адаптации относятся и такие слова русского происхождения, в которых рум. i является отражением диалектного и литературного иканья, свойственного русскому языку⁶.

Комбинаторные изменения. В ряде случаев фонетическая адаптация заимствований выражается приспособлением рекурсии предшествующего гласного к экскурсии последующего с преобладанием того или иного звука. Такие изменения, в свою очередь, отражены на письме.

Регрессивная ассимиляция (полная, дистактная): о — о < о — о: c[o]b[o]c 'кубок; род ступки' (< укр., русск. *кубок*), [o]c[o]lni 'в XIX в.: уволить с государственной службы' (< русск. *уволить*), p[o]r[o]b[o]c 'маленький мальчик' (< **paroboc* < укр. *парубок*), [o]z[o]r 'узор ткани' (< укр., русск. *узор*); и — и < о — и: h[u]b 'голубь' (< укр. *голуб*); о — о < а — о: z[o]r[o]bos 'заработок' (< укр. *зароботок*), z[o]r[o]bi 'зарабатывать' (< укр. *заробити*).

Прогрессивная ассимиляция (полная, дистактная): о — о < о — у: c[o]z[o]gos 'козырек' (< укр. *козилок*); а — а < а — и: p[a]r[a]sină 'грубая полотняная или пеньковая ткань' (< укр., русск. *парусина*); о — о < о — е: c[o]s[o]lină 'скошенные хлебные злаки, еще не созревшие, для корма' (< укр. *кошенина*, русск. диал. *кошенина*).

¹ О данном явлении в украинских говорах см. Ф. Т. ЖИЛКО, *Нариси з діалектології української мови*, К., 1955, стр. 91 и сл.; С. В. Семчинский, *указ. соч.*, стр. 181; I. Pătruț, *Fonetica graiului huțul din valea Sucevei*, Ed. Academiei R.P.R., București, 1957, стр. 31.

² Этимология, которую предлагает DLRM для слова *ciubotă* 'сапог' неверна (< русск. *сапог*), так как не учитываются фонетические факты: рефлекс и объясняется уканьем и отсылает нас непосредственно к украинскому источнику.

³ Ф. Т. ЖИЛКО, *указ. соч.*, стр. 93; С. В. Семчинский, *указ. соч.*, стр. 184—185; I. Pătruț, *указ. соч.*, стр. 33—34.

⁴ Ф. Т. ЖИЛКО, *указ. соч.*, стр. 70; С. В. Семчинский, *указ. соч.*, стр. 186. Закрытое е наблюдается и в гуцульском говоре в долине Сучавы (см. I. Pătruț, *указ. соч.*, стр. 22 и сл.).

⁵ Ф. Т. ЖИЛКО, *указ. соч.*, стр. 91; см. также С. В. Семчинский, *указ. соч.*, стр. 186; I. Pătruț, *указ. соч.*, стр. 22 и сл.

⁶ Примеры см. в нашей статье *Восточнославянские элементы...*, стр. 27.

⁷ Впрочем, данный случай можно рассматривать и как проявление регрессивной ассимиляции, так как о находится в этимоне не только в первом, но и в последнем слоге.

В области согласных наблюдается вообще меньше изменений, чем в вокализме, причем такое соотношение характерно и для словарных единиц древнеславянского суперстрата¹. При заимствовании тех или иных слов непривычные для румынской фонетики согласные звуки или звуко сочетания подвергаются субституции (чаще всего — частичной), так как соответствующего моторного ощущения в родном языке не имеется². Среди наиболее характерных изменений следует отметить:

$\acute{s} \acute{e} > \acute{e}$ (= *ce, ci*) или $\acute{g}$ (= *ge, gi*): *baraban[ci]* ‘барабанщик’ (<русс., укр. *барабанщик*), *hu[ce]ag* ‘роща’ (<укр. *гущак*), *hu[ci]* ‘густой кустарник’ (<укр. *гуца*), *otcup[ci]e*³ ‘владелец откупа’ с вариантом *otcup[ci]u* (<русс. *откупщик*), *prapor[gi]e* ‘в XIX в.: самый младший офицерский чин’ с вариантами *prapor[ci]e*, *prapur[ci]e* (<русс. *прапорщик*). Рефлексом чуждого румынскому языку сочетания $\acute{s} \acute{e}$ является также группа *št* или звук $\acute{z}$, например, в словах *hu[št]e* ‘гуща, подонки’ (<укр. *гуца*), *potoj[ni]c* ‘в XIX в.: помощник префекта’ (<русс. *помощник*).

$\acute{e}$ в положении перед согласными $> \acute{s}$: *cu[š]că* ‘помещение для птиц и вообще для домашних животных; суфлерская будка’ (<укр. *кучка*), *cu[š]mă* ‘ меховая шапка’ (<укр. *кучма*), *hri[š]că* ‘гречиха’ с вариантами *hiri[š]că*, *hari[š]că* (<укр. *гречка* в юго-западном произношении), *li[š]man* ‘старший пастух’ (<укр. *личман*), *pa[š]că* ‘махорка’ (<укр., русск. *пачка*). $stk > st$ и $vzv > zv$ в единичных случаях: *hor[st]ă* ‘пучек стеблей конопли или льна’ (<укр. *горстка*), *[zv]od* ‘в XIX в.: подразделение роты, эскадрона или батареи’ (<русс. *взвод*).

$\acute{s} > s$ (в звуко сочетаниях типа *šk, šp*, редко встречающихся в начале исконно румынских слов): *[s]catulcă* ‘дорожный сундук; пощечина’ с фонетическими вариантами *[s]catolcă*, *[s]catoalcă* (<укр., русск. *шкатулка*), *[s]pancă* ‘шпанская овца, а также шпанская шерсть’ (<русс., укр. *шпанка*), *[s]pilcă* ‘шпилька для волос’ (<укр., русск. *шпилька*, ср. и польск. *szpilka*).

k, x в конце слова $> g$: *cîrcio[g]*⁴ ‘юридическая уловка, придирка’ (<укр., русск. *крючок*), *husea[g]* ‘роща’ (<укр. *гущак*), *ciortopolo[g]* ‘чертополох’ (<укр., русск. *чертополох*), *volog* ‘род рыболовной сети для ловли рыбы в глубоких водах’ с вариантом *voloc* (<укр., русск. диал. *волок*). В рассмотренных примерах можно, однако, допустить и ассимилятивное влияние по аналогии с румынскими словами на *-og, -ag* (*olog, rămășag* и т.д.).

$x, h > h$. Известно, что разные звуки могут иногда реализоваться в заимствующем языке в одном определенном направлении. Еще

¹ См., например, OVIDE DENSUSIANU, указ. соч., стр. 276.

² См. Н. PAUL, указ. соч., стр. 464.

³ Слово проникло, по всей вероятности, книжным путем (ср. начальное *o* вместо ожидаемого *a* при устном заимствовании), однако это не помешало ему в дальнейшем, в процессе живой речи, приспособиться к специфике румынского консонантизма. То же самое можно сказать и о других словах, например *potojnic*, рассмотренном несколько ниже (ср. также примеры, иллюстрирующие ассимиляцию по глухости).

⁴ Имеется, однако, и вариант *cîrcioc*.

Г. Пауль подчеркивал, что нередко несколько чужих звуков заменяются одним и тем же звуком родного языка¹. В данном случае речь идет о русском (гесп. украинском) велярном глухом *x* и украинском фарингальном звонком *h*, которые передаются в восточнославянских заимствованиях румынским ларингальным глухим *h* (бывающим иногда и звонким, например в интервокальном положении)²: [*h*]alastîncă 'легкая полотняная ткань' (русс. холстинка), [*h*]oleră 'холера; уродливое и злое существо' (русск., укр. холера), [*h*]oltei 'холостой' (укр. голь-тяй), [*h*]orilcă 'горелка' (укр. горілка), bu[*h*]ai 'племенной бык; название небольшой лягушки, а также беслотной птицы; название народного музыкального инструмента' (укр. бугай) и т.д.³.

Прогрессивная ассимиляция по глухости (неполная, контактная): *t — f < t — v*: *dejurs*[tʃ]ă 'гаунтвахта; тыловое управление румынской армии в период 1839—1858 гг.' (русск. дежурство), *dvoreans*[tʃ]ă 'дворянство' (русск. дворянство), *naceals*[tʃ]ă 'начальство' (русск. начальство); *k — f < k — v*: [ʃ]artal 'часть города, район' с вариантами [f]artal, [f]irtal (русск. квартал), [ʃ]itanție 'официальная расписка в принятии денег' с вариантами [f]itanție, [f]itanță (русск. квитанция). Ассимиляция по глухости характерна и для ряда древних южнославянских заимствований, в которых, например, *sf < sv*⁴ (ср. рум. *sfat*, *sfinț*, *sfeșnic*⁵). Но в отличие от последних слова с огласовкой *tf*, *kf*, заимствованные в XIX в. из русского языка, имеют параллельные варианты, в которых ассимиляции не наблюдается (ср. литературно-книжные формы *dejurstvă*, *dvoreanstvă*, *nacealstvă*, *cvartal*, *cvitanție*). Указанное комбинаторное явление следует объяснить, в первую очередь, фонетическими особенностями молдавских говоров, где чаще всего встречается такого типа ассимиляция. К тому же сочетание *kf*⁶ встречается иногда вместо *kv* даже в произведениях научно-технического стиля, причем именно в молдавских текстах (в неологизмах конца XVIII века типа *cfădrat*, *ecfator*, *ecfilater*⁷).

Как известно, модификации звуков нередко сопутствует народная этимология, связанная с значительной переделкой фонетического состава слова. В качестве примера можно сослаться хотя бы на такие заимствования, как *barabaftă* 'в XIX в.: сторожевое судно' (русск. брандвахта) и *luminoasă* 'ломоноос (Clematis erecta)' (укр. ломинис, -носа), которые

¹ Г. ПАУЛЬ, указ. соч., стр. 464.

² См. *Gramatica limbii române*, I, Ed. Academiei R.P.R., București, 1954, стр. 95.

³ Примеры, иллюстрирующие переход *h > h*, см. также в упомянутой статье *Восточнославянские элементы...*, стр. 25.

⁴ Небезынтересно подчеркнуть, что группа *sv* в восточнославянских заимствованиях, например в антропонимике (ср. женское имя *Svetlana*, произносимое в просторечии [ʃvɛtlana]) представляет собой как раз обратное явление: в результате регрессивной ассимиляции по звонкости *s* переходит в *z*.

⁵ См. *Gramatica limbii române...*, стр. 89.

⁶ N. A. URSU, *Formarea terminologiei științifice românești*, Editura științifică, București, 1962, стр. 120. Автор указанной работы склонен объяснить звуко сочетание *kf* (граф. *cf*) новогреческим произношением, что, однако, маловероятно: почему же тогда оно не встречается и в мунтянских текстах?

⁷ Там же.

с точки зрения звукового оформления сильно отделились от соответствующих прототипов (на первое слово повлияло своим созвучием, по-видимому, рум. *baftă*, а на второе — рум. *luminos*).

Словесное ударение

Фонетическая адаптация проявляется также в акцентологическом отношении, представляя собой, как известно, перенос характерных для родного языка закономерностей ударения на заимствованные слова. Следует отметить, что в румынском языке нет твердых правил для определения места ударения¹, так как оно, как и в русском и украинском, не связано с определенным слогом в слове. Несмотря на это, наблюдения над акцентологической адаптацией восточнославянских заимствований дают возможность выявить некоторые закономерные явления.

Начнем с глагола, ибо здесь легче проследить известные нормы, более или менее устойчивые². В глагольных заимствованиях восточнославянское подвижное ударение, встречающееся в соответствующих протипах, подчиняется закономерностям румынского спряжения и переносится в инфинитиве на последний слог, то есть на *-i* (*-î*), которыми оканчиваются в неопределенном наклонении глаголы IV спряжения. Ср.:

укр. <i>блѐндати</i> (ударение на 1 слог)	>	<i>a blenderî</i> (ударение на последнем слог)
укр. <i>кїркати</i>	>	<i>a chircăi</i>
укр. <i>черсáти</i> (ударение на 2 слог)	>	<i>a ciorsăi</i>
укр. <i>морóчити</i>	>	<i>a moronci</i>
укр. <i>колотїти</i> (ударение на 3 слог)	>	<i>a coloti</i>
укр. <i>питлювáти</i>	>	<i>a pitlui</i>
русс. <i>претендовáть</i> (ударение на 4 слог)	>	<i>a pretândălui</i>
русс. <i>арестовáть</i>	>	<i>a arestui</i>

Что касается парадигматических изменений, то во всех лицах ударение падает на флексию (точнее — на слог, следующий за корнем, так как перед флексией может находиться иногда соединительный гласный *i*). Ср., например, спряжение русск. *публиковать* и рум. *a publicui* 'в XIX в.: публиковать' (совр. рум. *a publica* < лат. лит. *publicare*), а также укр. *золити* и рум. *a zoli* 'стирать белье со щелоком' в настоящем времени изъявительного наклонения:

¹ См. *Gramatica limbii romine...*, стр. 96.

² См. ALLAIN GUILLERMOU, *Manuel de langue roumaine*, Paris, 1953, стр. 21.

публикѹ-ю (ударение на основе) publicu -*ěsc* (ударение на флексии)

-ишь	- <i>ěști</i>
-ет	- <i>ěște</i>
-ем	-(<i>i</i>)m
-ете	-(<i>i</i>)ți
-ют	- <i>esc</i>

зѡл-ю zol-*ěsc*

-иш	- <i>ěști</i>
-ить	- <i>ěște</i>
-имо	-(<i>i</i>)m
-ите	-(<i>i</i>)ți
-ать	- <i>esc</i>

Акцентологическая адаптация восточнославянских глаголов совпадает, таким образом, с соответствующими параллельными явлениями, наблюдаемыми у древнеславянских заимствований¹: переход славянских глаголов в IV румынское спряжение с устойчивым ударением на -*i* в неопределенном наклонении и перенос ударения на флексию при спряжении.

Интересно отметить, что от этого общего правила нет отклонений: среди изученных нами глагольных проникновений древнего и нового периодов румыно-восточнославянских языковых взаимоотношений (ср. хотя бы диалектизмы типа *blenderi* 'плестись' < укр. *блендаму*, *ciorsăi* 'чесать себя' < укр. *черсати*, *drigîi* 'дрожать' < укр. *дригати*, *hlidi* 'глядеть' < укр. *глядіти* и др. — всего их свыше 50)² не обнаружено ни одного случая перехода в какое-либо другое спряжение³. Такое своеобразное явление заслуживает особого внимания тем более, что глаголы, заимствованные из других языков, например из французского, хотя в большинстве своем относятся к I спряжению, некоторые из них принадлежат также к классу румынских глаголов III и IV спряжений⁴. В этом отношении, очевидно, сказывается известная языковая традиция⁵, согласно которой новые глаголы, появляющиеся в народной речи (в данном случае сюда относится большинство восточнославянских глагольных заимствований, в частности, украинизмы: они проникли устным

¹ Примеры глаголов древнеславянского происхождения см. у G. MINĂILĂ, *указ. соч.*, стр. 189—210.

² Среди глаголов данной категории («verbes à infinitif en -i (-i) dont le présent est fort ou faible») Альф Ломбард в работе *Le verbe roumain*, Lund, 1954, стр. 891 выделяет 37 восточнославянских заимствований (26 — украинских и 11 — русских).

³ Глагол *iaroviza* (< русск. *яровизировать*) — кстати, насколько нам известно, единственный глагол русского происхождения, который принадлежит к I румынскому спряжению — был заимствован уже в новейший период (точнее — в годы народной власти).

⁴ См. GH. ADAMESCU, *указ. соч.*, стр. 51, 57—58.

⁵ См. IORGU IORDAN, *Verbe românești nouă*, «Buletinul Institutului de filologie română Alexandru Philippide», IX (1943), стр. 20 и сл.

путем), оформляются при помощи суффиксов *-i, -î*, характерных для IV спряжения, в то время как глаголы-неологизмы, в частности, французского происхождения, проникающие в язык литературно-книжным путем, являются компонентами I спряжения. Симптоматично, однако, что в области заимствований из восточнославянских языков народной традиции подчинились даже такие глаголы, которые пришли книжным путем (из русского языка в XIX в.: *arestui, comăndui, doprosui, publicui, străfui*¹ и др., ставшие со временем архаизмами). Поскольку глаголы на *-i (-î)*, этимологически восходящие к украинскому и русскому языкам, встречаются в основном в молдавских говорах (украинизмы), а также чаще всего в молдавских текстах конца XVIII — начала XIX вв. (русизмы), есть все основания рассматривать восточнославянское языковое влияние как одну из явных причин, в силу которых *акад. И. Йордан* считает, что в Молдове отдается предпочтение IV-ому спряжению, а в Мунтении — I-ому².

Перенос ударения на последний слог наблюдается также в области имен, где можно выделить несколько структурных моделей:

а) Имена прилагательных на *-icesc* (= русск. *-ический*), бывшие в употреблении в XVIII—XIX веках: *diplomaticesc, filosoficesc, gheometricesc, gramaticesc, loghicesc, metodicesc, organicesc, patrioticesc, periodicesc, politicesc, psihologicesc, sistematicesc, tragicesc, trigonometricesc* и т. п. Словообразовательная модель, а вместе с тем и соответствующее ударение переносится по аналогии и на другие прилагательные того же исторического периода, которые не являются заимствованиями из русского: *actoricesc, asiaticesc, berbanticesc, contabilicesc, dăscălicesc, doctoricesc, normalicesc, orfănicesc, ospitalicesc, otomanicesc, papagalicesc, personalicesc, războinicesc, spitalicesc, urbarialicesc* и др. Усвоению аффикса *-icesc* способствовал фонетически близкий ему суффикс *-esc* (ср. *romînesc, rusesec* и т. д.), обязанный своей общеупотребительностью в румынском языке древнеславянскому суперстрату. Поскольку *-esc* всегда ударный, в результате ассимилятивного влияния данная особенность стала характерной и для прилагательных на *-icesc*³.

б) Имена существительные на *-óc*: *cobóc* 'кубок; род ступки' (укр., русск. *ку́бок*), *iarmaróc* 'ярмарка' (укр. *ярмарок*), *oțăróc* 'цепка, лучина' (укр. *оцїнок*), *porobóc* 'маленький мальчик' (укр. *пору́бок*), *potróc* 'суп из внутренностей птицы' (русск. *по́трох*), *volóc* 'род рыбо-

¹ См. ELENA ȘERBAN, *Observații asupra lexicului unor documente de la 1848. «Contribuții la istoria limbii române literare în secolul al XIX-lea»*, vol. II, Ed. Academiei R.P.R., București, 1958, стр. 125. Статья, несомненно, заслуживает внимания, но она страдает дилетантством в области этимологизации (см., например, на стр. 121—125 этимоны, приписываемые глаголам *pristaclisi, doprosui, măscui, comăndui* и др.), не говоря уже об удивительной небрежности в транслитерации ряда русских слов.

² IORGU IORDAN, *Forme de conjugare mixtă în limba română*, «Buletinul Institutului de filologie română Alexandru Philippide» II (1935), стр. 51; См. также N.A. Ursu, *указ. соч.*, стр. 122.

³ О прилагательных на *-icesc* см. FULVIA CIOBANU, *Sufizul adjectival -i c e s c*, «Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba română», vol. I, Ed. Academiei R.P.R., București, 1959, стр. 101—116; В. Васченко, *Восточнославянские элементы...*, стр. 32; N. A. Ursu, *указ. соч.*, стр. 123—124.

ловных сетей для ловли рыбы в глубоких водах' (<укр., русск. диал. *волок*)¹, *zbanсіос* 'кувшин для вина' (<укр. *збаночок*), *zobobс* 'заработок' (<укр. *заробок*).

в) Имена существительные на *-ір, -іб*: *otsір* 'в XIX в.: государственное добро, взятое в аренду частным лицом' (<русс. *откуп*), *zastір* 'большая лопата, которой пользуются преимущественно в дельте Дуная для земляных работ' (<укр., русск. *заступ*), *hulіб* 'голубь' (<укр. *голуб*), *jolіб* 'ясли' (<укр. *жолоб*).

г) Разные другие имена существительные (двусложные слова с основой на твердый согласный): *sabati* 'пинель, накидка' (<укр. *кабат*), *colос* 'сорт пшеницы с большими желтыми зернами и крупным колосом' с фонетическими вариантами *colіs, colіz* (<укр., русск. *колос*), *sofor* 'кот' (<укр. *коцур*), *posrіs* 'крышка' (<укр. *покришка*), *pohréb* 'погреб' (<русс. *погреб* в южном произношении), *reteáz* 'задвигка, засов' (<укр. *ретаз*), *sobol* 'соболь, а также мех этого зверька' (<укр., русск. *соболь*).

В указанных выше группах слов перенос ударения на последний слог произошел, вне всякого сомнения, по аналогии с другими румынскими лексемами, принадлежащими к таким же структурным моделям. Показательными в этом отношении являются данные обратного словаря румынского языка²: так, например, из 600 румынских слов на *-ос* не имеют ударения на последнем слоге только примерно 6 слов, а из 101 слова на *-ир, -иб* — только 4 слова.

В ряде случаев происходит перенос ударения с последнего слога на предпоследний:

а) Имена существительные на *-ніс, -сіс*: *beréjніс* 'лесник' с вариантом *berézніс* (<укр. *побережнік*), *tróініс* 'толстая нитка' (<русс. *тройнік*), *otsірсіс* 'владелец откупа' (<русс. *откупнік*). Ударение падает на предпоследний слог и в заимствовании *prapórgіс* 'в XIX в.: самый младший офицерский чин' с вариантами *prapórcіс, prapіrcіс* (<русс. *прапорщик*), но в данном случае оно перетягивается с первого слога.

На показания обратного словаря, упомянутого выше, можно сослаться и в данном случае: из свыше 3300 румынских слов на *-іс, -ніс* только примерно 8 процентов имеют ударение на последнем слоге. Ассимилятивное влияние по аналогии является, таким образом, очевидной и здесь.

б) Имена существительные, восходящие к прототипам, которые оканчиваются ударным гласным (*-ó, -á, -i*): *báhná* 'болотная местность' (<укр. *багно*), *chircă* 'кирка' (<русс. *кирка*), *hreárcă* 'род граблей, которые прикрепляются к косе, когда косят хлебные злаки' (<укр. *грабкі*), *lózіe* 'корзиночная ива, из прутьев которой делают разные плетения' (<укр. *лоза, зі*), *trúbă* 'духовой медный музыкальный ин-

¹ Этимология, которая предлагается в *DLRM* ("rus. *volok*"), не безупречна. Известно, что *волок* со значением 'бредень' не свойственно русскому литературному языку. Оно встречается только в говорах (см. словарь Даля), а также в украинском языке. Поэтому следовало бы внести поправку: рум. *voloc* (с вариантом *vológ*) восходят к укр., русск. диал. *волок*.

² Academia R.P.R., Institutul de lingvistică din București, *Dicționar invers*, Editura Academiei R.P.R., București, 1957.

струмент' (<укр., русск. *труба*), *véřstă* 'русская мера длины, равная 1,06 км., применявшаяся в старину и в румынских княжествах' (<русс., укр. *верста*). К этому разряду слов можно причислить и некоторые междометия: *ura* 'ура' (<русс., укр. *ура*), *fibă* 'восклицание, которым отгоняют собак' (<укр. *цібá*). Акцентологическая адаптация произошла, очевидно, в силу того факта, что исконно румынским словам (за исключением глагольных форм) не свойственны ударные гласные в абсолютном конце слова, особенно в положении после твердых согласных.

У существительных с дифтонгом *ra < ó*, рассмотренных выше, ударение всегда падает на слоговой гласный дифтонга: *coárbă, droágă, goárnă, năvoločă, răstoacă, roată, promoroacă, standoală, toână, toloacă* и т. д.

Большинство западноевропейских неологизмов, пришедших через русское посредство в основном в первой половине XIX в., отражает ударение языка-посредника. В этой связи можно выделить два словообразовательных разряда:

а) Имена существительные на *-ie (-ție)*: *administrăție* (<русс. *администрация*), *cavalerie* (<русс. *кавалерия*), *comisie* (<русс. *комиссия*), *divizie* (<русс. *дивизия*), *luminăție* и *iluminăție* (<русс. *иллюминация*), *miliție* (<русс. *милиция*), *pensie* (<русс. *пенсия*), *poliție* (<русс. *полиция*), *sécție* (<русс. *секция*) и др. Кроме перечисленных слов, оставшихся в румынском литературном языке в той же огласовке, что и в XIX в., в прошлом столетии бытовали многие другие подобные существительные, у которых псевдосуффикс *-ie (-ție)* под влиянием французского языка был в дальнейшем заменен упрощенным вариантом *-ia* (ср. *distănție-distânță, instanție-instânță, vacănție-vacânță*), но с сохранением ударения на том же слоге, а также усложненным вариантом *-iune* (ср. *agresie-agresiune, fracție-fracțiune, informație-informațiune*), что привело к перемещению ударения на один слог к концу слова. О продуктивности русской словообразовательности модели, а следовательно, и соответствующей акцентологической модели говорит тот факт, что по аналогии со словами на *-ie*¹ в румынском языке XIX в. встречались в той же огласовке и существительные, имеющие во французском языке прототипы на *-ation* (слова типа *condamnație*).

б) Имена прилагательные на *-nic*: *idealnic* (<русс. *идеальный*), *materidnic* (<русс. *материальный*), *morálnic* (<русс. *моральный*), *localnic* (<русс. *локальный*) и др., которые удержались в румынском языке в упрощенной форме, без суффикса.

4

В тесной связи с рассмотренными выше явлениями находятся некоторые аспекты морфологической адаптации иноязычных словарных единиц.

Отражение фонетических особенностей языка-источника или их освоение в заимствующем языке может оказать более или менее существенное влияние на морфологию того или иного слова. Проиллюстрируем это положение двумя примерами. В ряде случаев восточнославянские

¹ О существительных на *-ie (-ție)* см. IORGU IORDAN, *Influente rusești asupra limbii române*, «Analele Academiei R.P.R., seria C, tom. I, mem. 4, București, 1949, стр. 8 и сл.; Его же, *Un dicționar de neologisme românești din anul 1862*, «Studii și cercetări lingvistice», I, fasc. I, 1950, стр. 57—78; G. IVĂNESCU, *Indrumări în cercetarea morfologiei limbii literare românești din secolul al XIX-lea*, «Limba română», 1, 1955, стр. 34 и сл.; R. TODORAN, *Despre neologisme terminate în -ie*, «Cercetări de lingvistică», 1—2, 1959, стр. 211—213.

конечные палатализованные согласные переходят в таком же виде в соответствующие «орумынившиеся» слова и получают орфографическое узаконение: *cori*¹ ‘детская заразная болезнь, сопровождающаяся сыпью’ (<русс. корь), *covali* ‘кузнец’ (<укр. коваль), *cuhari* ‘повар’ (<укр. кухарь), *pișcari* ‘маленькая речная рыба, пескарь’ (<русс. пескарь). Такие слова встречаются в основном на северо-востоке дакорумынской языковой области. Однако они зафиксированы не только в текстах народного творчества, но и в отдельных произведениях художественной литературы. Ср. *Coriul ori pojarul e boală primejdioasă* (Sez. III, 177)²; *Dumitrache Hălăngescu, zis și Nastratin, covali* (Sadoveanu, P.S. 75); *A fiert peștele bine cuhariul* (Contemporanul, VI, vol. I, 142); *Fusariul... numit altmintrelea și pișcari... când are să se mănînce i se taie capul* (Marian, Ins.57). Оканчиваясь в единственном числе смягченным согласным, такие слова (как и ряд исконно румынских существительных того же типа — *ochi, unchi, arici, baci*³ и др.) не знают формоизменения при образовании множественного числа. Формы единственного и множественного числа у данных слов полностью совпадают в именительном падеже (*pișcari*, например, — это общая форма для ед. и мн. числа в им. падеже).

В других же заимствованиях палатализация конечных согласных, свойственная соответствующим восточнославянским прототипам, не отражается и ‘орумынившиеся’ слова оканчиваются твердым согласным: *pălămar*⁴ ‘пономарь’ с фонетическими вариантами *palamar, pâlîmar* (<укр. паламарь), *clit* ‘кица’ (<укр. кліть), *hăt* ‘очень (употребляется для усиления значения)’ (<укр. геть) и др. Ср. *Ambiția noastră era de a chiti... pe palamarul bisericii sfîntului Ilie, cînd el, suit în clopotniță, bătea toaca* (Alecsandri, C. 200); *O ladă ce gemea de pinzuri, iar deasupra stăteau păturite lăicere și scoarțe puse clit* (Contemporanul, V, 99); *Cîntă privighetorile în lunci pînă hăt-departe, la Dunăre* (Sadoveanu, P.M. 43). Такие слова (за исключением последнего, которое является наречием) обладают способностью изменять свою форму при образовании множественного числа (им. падеж мн. числа — *pălămari, clituri*).

В связи с морфологической адаптацией заимствований следует отметить, что в отдельных случаях наблюдается переход слов из одной части речи в другую (конверсия, или морфолого-синтаксический способ

¹ В подобных словах конечное *i* (как и *ь* в русском языке) является орфографическим фактом, обозначая на письме мягкость предшествующей фонемы — *r*.

² Иллюстративный материал почерпнут (здесь и в дальнейшем) из словарей: *Dicționarul limbii romine literare contemporane*, vol. I—IV, Ed. Academiei R.P.R., București, 1955—1957; *Dicționarul limbii romine*, publicat de Academia Romină (literele A—C, F—L), București, 1907—1949.

³ См. *Gramatica limbii romine...*, стр. 132. О признаках форм множественного числа на *-i* см. также Р. А. БУДАГОВ, *Этюды по синтаксису румынского языка*, М., 1958, стр. 220—231.

⁴ Авторы *DLRM* нерешительно относятся к происхождению слова *pălămar* ‘пономарь’, указывая в скобках ст.-сл. этимон: «— Slav. (v.sl. *ponomari* < gr.)». Интересующийся ближайшей этимологией слова так и не может узнать, из какого именно славянского языка пришло оно в румынский. Между тем непосредственным прототипом этого заимствования является укр. *паламарь* (см. словарь Гринченко, III, 88), о чем говорят как фонетические признаки слова, так и его ареал (молдавские говоры).

словообразования), а также изменение грамматической категории. Приведем несколько примеров.

а) Переход существительных в прилагательные: русск. *охотник* > рум. *ahotnic*, -ă 'любитель чего-нибудь', укр. *меделян* > рум. *medelean*, -ă 'крупной породы, сильный и большой — о домашних животных', укр. *нелітка* > рум. *nelearcă* 'моложе двух лет — о корове', русск., укр. *шпанка* > рум. *spancă* 'шпанская овца, а также шпанская шерсть'. Ср. их функционирование в контексте: *Măi femeie... multă minte-ți mai trebuie, zicea tata, văzînd-o așa de ahotnică pentru mine* (Creangă, A. 13); *C-un om în casă intră un cine medelean* (Negruzzi, S. II, 300); *Să caute o vacă nelearcă* (Sbiera, P. 163). Что касается слова *spancă*, то оно встречается в выражениях *oaie spancă* 'шпанская овца', *lînă spancă* 'шпанская шерсть'. Первое из указанных прилагательных (*ahotnic*, -ă) употребляется иногда и в функции имени существительного, ср.: *În ce privește pescuitul... eu mă trezisesem deodată un ahotnic aprig* (Sadoveanu, N.F. 51).

б) Переход существительных и глаголов в наречия: укр. *бута* > рум. *but*¹ (встречается только в наречном обороте *în butul [cuiva]* 'назло кому-нибудь'), русск. *не знаю* (I-ое лицо наст. вр. изъявит. накл. от глагола *знать* в отрицат. форме) > рум. *niznai* 'как ни в чем не бывало, с видом совершенной невинности'. Оба слова являются народными. Ср. *Voi trimite Rosmarin și pană verde, În butul la două fete; Rosmarin și două flori, În butul la doi feciori* (Marian, O.I, 34); *Cum m-a văzut, a sfeclit-o... A întors capu-n-colo și a început să bea din țigară, știi așa, niznai* (Caragiale, O.I, 47). *Niznai* выступает иногда и в функции существительного, в выражении *a face pe niznaiul* 'прикидываться дурачком', например: *Dar Pandeles făcea pe niznaiul, învîrtindu-și capul încoace și încolo* (Viața Românească, martie 1954, 152).

в) Переход глаголов в существительные. В качестве примера приведем народное слово *guleai* 'кутеж, пиршество, веселье' (<русск. *гуляй* — повелит. накл. от глагола *гулять*) с фонетическим вариантом *huleai* (<укр. *гуляй*, ср. у Гринченко, I, 339: *Гуляй, думино, поки твоя година*). Ср. у Крянгэ: *Guleai peste guleai, Ioane, căci altfel înnebunesti de urît* (Creangă, P. 325).

Изменение грамматической категории, в частности, категории числа, наблюдается в таких словах, как: *crupe* 'лущенные зерна пшеницы, кукурузы и т. п.' <укр., русск. *крупя*, *stative* 'ткацкий станок; станок для растягивания кожи' < укр. *статива* (переход единственного числа во множественное, благодаря чему существительные *crupe*, *stative* стали в румынском языке „pluralia tantum”). Ср. *Din mers, oamenii... mai horpăiau din gamele borșul lung, fiert cu urzici... și crupe* (Camilar,

¹ В *DLRM* не указана этимология слова. Оно заимствовано, вне всякого сомнения, из украинского (< *бута* 'гордость, высокомерие, спесь', ср. также глагол *бутати* 'гордиться'; Гринченко, I, 116). Смысловая связь с укр. *бута* очевидна: *în butul (cuiva)* 'назло кому-нибудь' — это, иными словами, 'наперекор желанию высокомерного человека'. В пользу украинской этимологии говорит и область распространения данного выражения — оно встречается в основном в Марамуреши и на севере Трансильвании, т. е. в непосредственной близости к украинским говорам.

N.I. 271); *Caierul de burungiuc din furcă și suveica stativelor unde se țesea filaliul, stau părăsite și neatînse* (C. Negruzzi, C.I. 107). Наблюдается, однако, и обратный переход, при котором отдельные слова, употребляющиеся в русском и украинском языках во множественном числе, приобретают на румынской языковой почве форму единственного числа: *bihuncă* 'легкий четырехколесный экипаж, беговые дрожки' <укр. *бігунки*, *droagă* 'большая телега' <русс. *дроги*. Ср. их употребление в контексте: *Umbla pe moșie încălecat pe o bihuncă de curse; îl ducea în trap întins un harmăsar negru* (Sadoveanu, M.C. 21); *Mai în toată simbăta ne încărca în o droagă de-a mănăstirei Neamțului și ne ducea la stărație* (Creangă, A. 76).

Явление субституции, рассмотренное в разделе фонетики, проявляется также в области морфологии. Речь идет, в частности, о замене морфемы *-o*, встречающейся в окончании восточнославянских имен существительных среднего рода, румынской флексией *-ă* (<лат. *a*), в результате чего соответствующие слова становятся на дакорумынской почве существительными женского рода. Ср. *coromîslă* 'кормысло' (<укр. *кормисло*), *delă* 'административно-судебное разбирательство; собрание документов' (<русс. *дело*), *rovîdlă* 'повидло' (<укр. *повидло*, русск. *повидло*, ср. и польск. *powidło*). Указанная субституция вызвана тем, что в румынском языке нет таких существительных, которые оканчивались бы в им. падеже на *-o*. То, что в подобных случаях имеем дело с фактом морфологического, а не фонетического порядка (как это полагали до недавнего времени), было убедительно доказано акад. Э. Петровичем на примере древних южнославянских заимствований типа *greblă* < *greblo*, *ocnă* < *okno*, *slovă* < *slovo*¹ (ср. также *ciudă* < *čudo*, *daltă* < *dlato*, *nicovă* < *nakovalo* и др.²).

Такого же порядка является субституция флексии *-a* румынской флексией *-ă* у существительных женского рода, вызванная, в свою очередь, отсутствием морфемы-окончания *-a* в нечленных формах румынских имен существительных. Ср. *barilă* 'боченок' (<укр. *барилка*), *bragă* 'брага' с вариантом *brahă* (<русс. *брага*, гесп. укр. *брага*), *jolnă* 'опухоль' (<укр. *жовна*), *nură* 'норка' с вариантом *porcă* (<укр. *нурка*, гесп. русск. *норка*), *silitră* 'селитра; порох' (<русс. *селитра*). В противоположность явлению, характерному для слов типа *coromîslă* < *кормисло*, такая подмена (т. е. *-a* > *-ă*) не сопровождается изменением категории рода, ибо как в языке-источнике, так и в заимствующем языке подобные слова относятся к одному и тому же роду — к женскому.

¹ Acad. E. PETROVICI, *Evoluție fonetică, substituție de sunete sau adaptare morfologică? (În legătură cu tratamentul lui o final în elementele slave ale limbii române)*, «Cercetări de lingvistică», 1961 (VI), 1, стр. 25—29. (Аналогичную мысль акад. Э. Петрович высказал несколько раньше в „Dacoromania”, X, 1, стр. 137—138). См. также: I. PĂTRUȚ, *Despre genul «neutru» în limba română*, «Cercetări de lingvistică», 1956 (I), 1—4, стр. 31—32.

² См., например, AL. ROSETTI, *Istoria limbii române*, III (*Limbile slave meridionale, sec. VI—XII*), Editura Academiei R.P.R., București, 1962, стр. 93. Акад. А. Росетти считает, однако (в отличие от акад. Э. Петровича), что переход слав. безударного конечного *o* в рум. *a* является фонетической субституцией.

Своеобразным примером морфологической адаптации ряда русских слов являются глагольные заимствования типа *a pristavlisi* 'представить, вручить' (<русс. *представить, представлять*), *a docladarisi* 'докладывать' (<русс. *докладывать*), встречавшиеся довольно часто в первой половине прошлого столетия в текстах делового стиля. Как известно, в начале XIX в. греческое влияние в румынских княжествах значительно ослабевает и постепенно уступает свое место русскому и особенно французскому. Этот переходный период находит интересное отражение в фактах румынского языка, где нередко наблюдается одновременное использование иноязычных элементов, иногда даже в пределах одного и того же слова¹. Так, например, глаголы *pristavlisi*, *docladarisi* сочетают в своей морфологической структуре морфемы, заимствованные из разных языков: корни являются русскими, а суффиксы — греческими. На румынской почве русск. *представлять* (*пред-ставить*), *докладывать* были освоены по тогдашним языковым нормам и перешли в группу слов с суффиксом *-isi* (по аналогии с глаголами *repeterisi*, *recomandarisi*, *pretenderisi*, обнаруживающими такой же „гибридный” состав основ). Указанный аффикс не удержался, однако, в современном языке, а слова *pristavlisi*, *docladarisi* уже во второй половине XIX в. были заменены неологизмами французского происхождения (ср. совр. *prezenta* <фр. *présenter*, *raporta* <фр. *rapporter*).

Известно, что отдельные словообразовательные элементы никогда не заимствуются. „Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, — справедливо подчеркивал в свое время Г. Пауль, — эти слова, точно так же как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной. Путем образования новых слов по аналогии усвоенный таким образом суффикс может вступать в сочетания со словами родного языка”². Так, в румынском литературном языке XIX в. по образцу слов типа *gheometricesc*, заимствованных из русского, возникли новообразования вроде *contabilicesc*, *papagalicesc* и многие другие, на этот раз не обязанные своим происхождением русскому лексическому влиянию; по модели *miliție* появились *acuzatie*, *aspiratie* и т. д. Но проникнув в чужую языковую среду, морфемы *-ический*, *-ия* (*-ция*) не остались в таком же виде, что и в языке-источнике, они адаптировались применительно к новым условиям: *-ический* стало *-icesc*, так как флексия *-ий*, несвойственная грамматическому строю румынского языка, была отброшена, а ударение перетянулось на последний слог по аналогии с словами древнего фонда с ударным суффиксом *-esc* (см. выше, стр. 56); *-ия* (*-ция*) видоизменилось, став *-ie* (*-ție*) по аналогии с такими словами, как *bărbie*, *bărbăție* (полное сходство с русскими формами наблюдается только в словах с определенным артиклем — *administrația*, *constituția* и т. д.). То же самое можно сказать и о форманте *-н(ый)*, который в словах типа

¹ Ср. L. GÁLDI, *Les mots d'origine néo-grecque à l'époque des phanariotes*, Budapesta, 1939, стр. 123 и сл.; см. также Elena Șerban, *указ. соч.*, стр. 125 — 130.

² Г. ПАУЛЬ, *указ. соч.*, стр. 469.

localnic стал *-nic* в результате ассимилятивного влияния со стороны исконных слов с суффиксом *-nic* — *darnic* (*dar* + *-nic*), *jalníc* (*jale* + *-nic*) и др.

В литературе отмечается иногда, что заимствование окончательно получает право гражданства, если оно, между прочим, начинает создавать производные слова¹. Нельзя, конечно, отказать в справедливости такому замечанию, однако в этой связи необходимо строго отличать литературные факты от фактов нелитературных, в частности диалектных. Румынский язык знает немало примеров восточнославянских заимствований с большими словообразовательными гнездами (ср., например, *hulub* — *hulubaş*, *hulubiţă*, *hulubel*, *hulubică*, *huluban*, *hulubărie*)², которые тем не менее находятся на периферии общенародного употребления. С другой стороны, некоторые производные слова (ср. *franţuzesc*, *franţuzeşte*, *franţuzism*, *franţuzoaică*; *spilcui*, *spilcuit*) являются литературными элементами, в то время как заимствования, от которых они образованы (в данном случае — *franţuz* < русск., укр. *француз*, *spilcă* < укр., русск. *шпилька*, ср. и польск. *szpilka*), остаются по-прежнему на положении народных или областных слов.

Из рассмотренных выше фактов явствует, что восточнославянские лексические элементы, обнаруживающие внутреннюю однородность и представляющие собой системные явления, были полностью ассимилированы заимствующим языком (в частности, молдавскими говорами) как фонетически, так и морфологически, ибо все они подходят под нормальные образцы румынских слов, а изменяемые части речи склоняются или спрягаются по обычным румынским парадигмам.

¹ См. А. DAUZAT, *Histoire de la langue française* (русский перевод), М., 1956, стр. 138.

² См. VICTOR VASCENCO, *Elementele slave răsăritene...*, стр. 403—404.